

ИСТОРИЯ КАТОЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ В РОССИИ

Католичество в царской России находилось в очень сложном положении, поскольку было религией покоренных народов. Любые их освободительные восстания затрагивали и Церковь, которая не могла осуждать своих детей, поэтому после их разгрома репрессии обрушивались также и на нее. Кроме того, в силу особенности устройства Католической Церкви, имевшей свой центр за пределами страны, церковная жизнь от Петра I до Николая II проходила в непрерывной борьбе за сохранение ее независимости, за возможность беспрепятственно поддерживать связи с Ватиканом.

Вслед за Петром I, подчинившим государству Православную Церковь, императрица Екатерина II хотела подчинить ему и Церковь Католическую, находившуюся на территориях, приобретенных в результате разделов Речи Посполитой. С этой целью сразу после первого раздела она создала новую "белорусскую" епархию и самолично изменила границы существовавших ранее епархий. Во времена Павла I и в начале царствования Александра I положение Католической Церкви несколько улучшилось, но после разгрома польских восстаний 1830 и 1863 годов на Католическую Церковь обрушились репрессивные указы. Окончательно была ликвидирована Греко-Католическая Церковь, почти все ордена запрещены, а их монастырское имущество национализировано, возникли серьезные трудности при назначении достойных епископов в вакантные епархии, правительство вмешивалось в управление церковными делами и в религиозное обучение. "Непокорные" оказывались в бедственном положении, так как за участие в антиправительственных выступлениях они ссылались, а их земли и имущество переходило в чужие руки. Но, несмотря на стесненные условия, Католическая Церковь жила: существовали епархии, строились храмы и часовни, работали духовные семинарии. Всего на территории Российской империи (без Царства Польского) к 1914 году находилось 1158 приходов, 1491 храм, 1358 часовень, 2194 священника и 5 миллионов верующих¹.

Указ Николая II о веротерпимости от 1905 года стал первым законодательным актом, который немного улучшил положение католиков в России, но и после него католические священники подвергались наказаниям, в частности, "заключению в монастырь". Февральская революция 1917 года облегчила положение католиков, поскольку Временное правительство дало всем вероисповеданиям полную свободу. Постановление об отмене национальных и вероисповедных ограничений; легализация деятельности Русской Католической Церкви; создание специальной комиссии при Министерстве Внутренних дел; отправка в Рим посланника А. И. Лысаковского для установления отношений с Ватиканом — эти и другие действия Временного правительства давали основание полагать, что заложены основы полной автономии Католической Церкви.

Благоприятные условия, созданные после Февральской революции, внушали надежду, что и большевистская власть, благосклонная к трудящимся и угнетенным народам, не будет притеснять ранее гонимую Церковь. Такое впечатление сложилось, когда 2 декабря 1917 года архиепископ Эдуард фон Ропп занял кафедру Могилевской митрополии. Эта епархия была вакантной с 1914 года, и ее принял епископ, избранный депутатом I Государственной Думы и в 1907 году отправленный в ссылку за несогласие с правительством по вопросу отношения к католикам.

¹ Kumor B. *Kościół i katolicy w cesarstwie rosyjskim. Odrodzenie Kościoła Katolickiego w ZSSR*. Lublin, 1993. Kumor B. *Konkordat rosyjski z 3.08.1847 i utworzenie diecezji tyraspolskiej*. Люблин, 1998.

Большевистская власть, однако, с первых же дней своего существования была настроена антирелигиозно. Декрет о Земле от 8 ноября 1917 года лишил Церковь прав собственности на землю. Декрет от 17 декабря все земельные угодья, включая церковные, передавал в собственность государства. Декретом от 24 декабря все учебные заведения передавались в ведение Комиссариата просвещения, следовательно, Церковь лишалась всех академий, семинарий, училищ. 31 декабря 1917 года перестал считаться законным церковный брак. С начала 1918 года посыпался целый град новых декретов и постановлений, направленных на удушение Церкви². У Церкви были отняты сотни храмов и монастырей, как особо ценные памятники истории или архитектуры, подлежащие переходу под "охрану государства". С этого времени религиозные общества могли арендовать необходимые для богослужений помещения (храмы) и предметы, но на условиях "бесплатного пользования" только после получения на это разрешения властей, однако переданное религиозным обществам имущество облагалось налогом.

Декретом запрещалось также преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также в частных учебных заведениях. С этого времени считалось преступлением обучать религии, хотя бы и "частным образом", детей и молодежь до восемнадцати лет. Священнослужители становились лицами без прав ("лишенцами") и не могли входить в какие-либо руководящие органы, даже в религиозных обществах. Не только священники, но также их помощники — псаломщики и другие церковные служители, а также их жены лишались избирательных прав. Церковные организации были лишены прав юридического лица и приравнивались к частным обществам и союзам. Такая постановка вопроса практически отнимала у епископов и священников возможность руководить паствой, что могло привести к расколам и полному подчинению Церкви государству. Такие жесткие действия властей вызвали массу протестов со стороны всех Церквей.

Инструкцией от 20 августа "О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви" все Церкви были лишены прав юридического лица; их имущество передавалось в "непосредственное заведование местных Советов рабочих и крестьян". Эта инструкция окончательно лишила духовенство всяких прав и объявила "двадцатки" мирян единственным органом, правомочным получать от государства в аренду культовые здания и церковное имущество. 9 сентября 1918 года архиепископ Эдуард фон Ропп выступил с протестом против "Инструкции", и его поддержал экзарх русских католиков Леонид Федоров. Тем не менее, наступление на Католическую Церковь продолжалось: были закрыты Духовная Академия и Семинария в Санкт-Петербурге, Саратовская Семинария Тираспольской епархии³, закрыты были также все католические школы. Католическая Церковь пыталась спасти храмы, ссылаясь на невозможность передачи их светским властям без согласия Папского Престола, но относилась не так принципиально к передаче приходских книг органам ЗАГСа, а кладбищ и имущества — местным советам. Католики в попытках сохранения церквей обращались за поддержкой к иностранным государствам, но в условиях пренебрежения всех норм права Советским правительством эти попытки не приносили результатов.

² 20 января 1918 — Декрет об отделении Церкви от государства и школы от Церкви. 23 января — Приказ Народного Комиссара государственного призрения о прекращении выдачи средств на содержание церквей и священнослужителей. 2 февраля — Церковь лишили всего имущества и права приобретать его. Были закрыты все банковские счета религиозных ассоциаций, прекратились также и государственные субсидии религиозным организациям,

³ Она еще нескольких лет работала в Одессе.

Упорная борьба вокруг "договоров" о пользовании храмами продолжалась вплоть до конца 1920 года. На волне политических перемен в некоторых католических приходах стали возникать комитеты мирян для защиты храмов и духовенства. В январе 1919 года был организован Центральный комитет римско-католических общин Могилевской епархии. Этот орган принял устав, часть положений которого вызвала несогласие духовенства. На совещании петроградского духовенства с участием архиепископа Эдуарда фон Роппа состоялось обсуждение проблемы церковных советов. Учитывая создававшуюся к тому времени обстановку, архиепископ обязал настоятелей избирать на общих собраниях верующих 20-30 полномочных представителей от прихожан с тем, чтобы председателем этого совета становился сам настоятель, он и должен был распоряжаться кассой храма, а все переговоры мирян с властями также согласовываться с настоятелем. Целью Центрального комитета было объединение приходских советов, организация защиты и помощи епархиальному управлению. Он действовал в течение полутора лет и энергично протестовал против антирелигиозных акций властей, беря под защиту архиепископа и священников. Эту решимость преданных Церкви мирян невозможно сравнить с обстановкой в глубинке, где католики были немногочисленные, а священники отдалены друг от друга. Все они подвергались репрессиям со стороны непрерывно меняющейся власти, наводившей там свои порядки. Местные коммунисты, будучи иногда католиками, выслуживаясь перед властями, быстро расправлялись со священниками, не дожидаясь одобрения сверху.

На положение Католической Церкви в Советской России сильно влияла также общая политическая ситуация, сложившаяся после Первой мировой войны. Возникли новые независимые государства: Польша, Литва, Латвия, Эстония. Немалая часть активных прихожан покидала советскую Россию: одни возвращались на историческую родину, другие бежали от голода. Все усугубила гражданская война, и католики стали заложниками государственных интересов. 29 апреля 1919 года в Петрограде был арестован митрополит Эдуард фон Ропп, а на следующий день — несколько священников. Волна арестов прокатилась также по Белоруссии. Как потом выяснилось, заложники были взяты в ответ на то, что польские войска заняли Вильно и арестовали там коммунистов.

После безрезультатных письменных и личных обращений Центрального комитета католических общин к властям с просьбой освободить митрополита и других священников, в Петербурге состоялась манифестация с аналогичными требованиями. Ответом стали новые аресты священников и мирян. В начале 1920 года власти арестовали архиепископа Яна Цепляка, а потом еще 189 человек из числа тех, кто протестовал против его ареста, многие из них получили суровые приговоры. В 1922 году состоялись групповые процессы духовенства в Ярославле, Минске, Каменец-Подольске. Проводили их так называемые Реврибуналы, часто выносившие смертные приговоры, а потом заменявшие их тюремным заключением. Митрополит Эдуард фон Ропп был переведен в Москву, а после заключения польско-советского соглашения об обмене заложниками смог выехать в Польшу. Во главе Могилевской архиепархии оказался архиепископ Ян Цепляк. Тираспольский епископ Иосиф Кесслер после изменения государственных границ оказался в Бессарабии, и советские власти не допустили его возвращения в епархию.

Некоторые епархии Могилевской митрополии частично или полностью оказались за пределами Советской России, что приводило к проблемам в их управлении. Епископ Сигизмунд Лозинский создал заново в Минске епархиальные структуры, открыл Духовную семинарию. Такую же

работу проводили новые епископы на Украине. Но польско-советская война и ее последствия привели к разделу епархий и новым притеснениям Католической Церкви. Уехавшие в Польшу епископы: С. Лозинский, И. Дуб-Дубовский, П. Маньковский, — оставили на востоке своих генеральных vikариев. Земли, на которых большевистская власть не была установлена: Сибирь, Дальний Восток, Кавказ, Крым, — получили своих администраторов, однако, они недолго смогли исполнять свои обязанности⁴.

Характерным примером борьбы за сохранение свободы Католической Церкви в Советской России являются подробно исследованные события в Петрограде. 26 июля 1919 года Петроградский Совет распорядился опечатать помещение Курии и Консистории и передать его вместе с архивом окружному отделу ЗАГСa. Благодаря резкому протесту управляющего могилевской епархией архиепископа Яна Цепляка, через несколько месяцев печати сняли, но архивы Консистории были отобраны властями. Одновременно шла борьба с требованием заключать договоры о передаче храмов верующим. Католическая Церковь настаивала на том, что храмы — ее собственность, поскольку были построены на средства, поступившие с Запада. 29 сентября 1919 года архиепископ Ян Цепляк выступил против национализации церковного фонда⁵. Католическое духовенство, поддерживаемое приходскими комитетами, не только отказывалось разрешить подписание договоров о пользовании храмами, но добивалось также свободы преподавания Закона Божия. Священники на своих собраниях обсуждали вопрос об отношении к коммунизму как к антихристианскому учению и старались оградить прихожан от его влияния.

2 апреля 1920 года был арестован архиепископ Ян Цепляк. Церковные комитеты разослали телеграммы протеста в самые высокие инстанции, ответом властей стали массовые аресты мирян, многие из которых были отправлены в лагеря. 15 апреля, во избежание дальнейших репрессий среди католиков, архиепископ Ян Цепляк написал заявление, в нем он обязался "способствовать успокоению умов". Через два дня он был освобожден, но за ним было установлено постоянное наблюдение. Во время польско-советской войны священников арестовывали как заложников, и только после подписания мирного договора в Риге 18 марта 1921 года, согласно VII статьи, Католической Церкви в России было разрешено самостоятельно осуществлять свою деятельность, но "в пределах внутреннего законодательства". Однако, именно это законодательство и было антицерковным и антирелигиозным, так что статья не облегчила положения католиков в Советской России. Но благодаря Рижскому договору многие поляки, литовцы, латыши, эстонцы, в том числе и священники, смогли принять гражданство новых государств, не уезжая из России.

Новый повод к преследованию Церкви появился в связи с голодом в Поволжье и на Юге России. И Папа Римский Бенедикт XV и проживавший в Польше Могилевский архиепископ Эдуард фон Ропп организовали помощь голодающим. Благодаря соглашению Ватикана и Советской России стало возможным открыть Миссию помощи голодающим. Вновь избранный папа Пий XI сам выделял пожертвования и призывал весь мир спешить на помощь. Комиссия во главе с американским священником

⁴ Например, в 1923 году возникла Владивостокская епархия, но ее епископ К. Сливовский вскоре был посажен под домашний арест и не имел возможности управлять епархией.

⁵ Конфискованное царским правительством у Речи Посполитой церковное имущество стало церковным фондом, который хотя и был в распоряжении, связанной с государством Духовной Коллегии, тем не менее, вместе с пожертвованиями верующих составлял основу содержания Католической Церкви в России и не мог считаться собственностью советского государства.

иезуитом Э. Уолшем прибыла в Россию 25 августа 1922 года и развернула широкомасштабную деятельность. Несмотря на это, большевики воспользовались голодом, чтобы начать акцию по изъятию церковных ценностей на основании Декрета ВЦИКа от 23 февраля "О порядке изъятия ценностей, находящихся в пользовании групп верующих". Его жертвами стали храмы различных конфессий. Папа Римский заявлял о готовности выкупить церковные ценности, в том числе и Православной Церкви. И сами верующие готовы были отдать деньги и личные ценности, чтобы не допустить попраiania святынь, но властям было важно изъятие именно церковных ценностей, которое проводилось как в православных, так и в католических храмах. Во многих местах прихожане активно протестовали, где-то им удалось вместо церковных святынь отдать свои собственные драгоценности. Сопrotивление изъятию ценностей, а также упорный отказ приходских общин от подписания "договоров" привели к новой волне закрытия церквей.

Массированным ударом по Католической Церкви после высылки из страны митрополита Э. Роппа и группы священников был процесс Цепляка-Будкевича. Католики во главе с архиепископом Я. Цепляком продолжали упорствовать, не подписывали договоры об использовании храмов и протivостояли изъятию церковных ценностей. И хотя некоторые приходы уступили, но в целом — Церковь держалась. В ответ на это власти стали опечатывать храмы, решив во что бы то ни стало показать католикам, что не потерпят протivостояния. Многочисленные обращения верующих с просьбой открыть храмы были оставлены без внимания, а вместо этого власти нанесли новый сокрушительный удар. В Москву были вызваны архиепископ Я. Цепляк, четырнадцать священников и один мирянин. Архиепископ, предчувствуя, что может оттуда не вернуться, передал управление епархией настоятелю прихода в Детском Селе под Петроградом отцу Станиславу Пржирембелю, которого назначил генеральным викарием. После прибытия католического духовенства в Москву власти развернули протiv него пропагандистскую кампанию в прессе, а вскоре вся группа была взята под стражу.

Процесс над арестованными начался 21 марта в Доме Союзов. Этот процесс, названный впоследствии «процессом Цепляка-Будкевича», стал для Католической Церкви в России аналогичным «процессу патриарха Тихона» для Православной Церкви. Председатель трибунала М. В. Галкин и государственный обвинитель Н. В. Крыленко были не юристами, а революционерами, профессионалами были лишь адвокаты В. Н. Бобрищев-Пушкин и Н. В. Коммодов. Обвинение строилось на материалах, захваченных чекистами в 1920 году и относившихся к 1918-1919 годам. Подсудимые обвинялись в принадлежности к организации, ставившей своей целью нанесение урона диктатуре пролетариата, рабочему классу и пролетарской революции, в сопротivлении исполнительной власти и провоцировании этого сопротivления, а также в обучении малолетних основам религии. Обвиняемые, архиепископ Ян Цепляк и священники пытались доказать, что всего лишь сохраняли верность церковным установлениям. Выступления адвокатов были напрасны, поскольку власти запланировали привести в исполнение смертный приговор на Католическую Пасху.

Постановлением Революционного трибунала архиепископ Цепляк и прелат Будкевич были приговорены к расстрелу, четверо священников и экзарх Леонид Федоров — к 10 годам тюремного заключения, остальные к 3 годам тюремного заключения, несовершеннолетний Шарнас — 6 месяцев условно. Этот Московский процесс показал истинные намерения новой власти, которой не была важна реальная вина подсудимых. Обозначив религию, как враждебное явление, советская власть начала

физическое уничтожение "врагов". Откликом на приговор стали сотни телеграмм протеста из многих стран мира, за осужденных заступались и правительства европейских стран. Благодаря этому была спасена жизнь архиепископа Яна Цепляка, смертный приговор которому заменили десятью годами тюремного заключения, но отец Константин Будкевич все-таки был расстрелян в ночь с 31 марта на 1 апреля 1923 года. Этим показательным процессом советская власть хотела продемонстрировать, что сопротивление ей не имеет смысла. Процесс носил чисто политический характер, его целью была демонстрация силы власти. Тогда же советское правительство нашло для себя еще одну выгоду: когда требования освободить какого-нибудь священника были очень настойчивы, оно соглашалось обменять его на коммунистов, арестованных в Польше или прибалтийских странах. Благодаря таким обменам уцелел архиепископ Ян Цепляк и некоторые другие священники, а Антоний Малецкий вернулся после освобождения к своей службе. Таким способом советская власть показала католикам, что ожидает каждого, кто попытается протестовать. Почти все групповые процессы католического духовенства и мирян, проходившие в дальнейшем, проводились органами ГПУ-НКВД, и приговоры выносились Коллегиями, а позднее Тройками и Особыми Совещаниями при Коллегиях.

Следующим был процесс русских католиков из Москвы и Петрограда, арестованных с ноября 1923 по март 1924 года. Они обвинялись в контактах с международной буржуазией, которая «по указанию Ватикана проводила кампанию против Советского государства и готовилась к вооруженному вторжению на его территорию». Все получили приговоры от трех до десяти лет тюрьмы или ссылки. После заключения в политизоляторы некоторые из них были позднее вывезены в Соловецкий лагерь особого назначения (СЛОН). Первым попавшим туда католическим священником стал Николай Александров из Московского прихода русских католиков, а также бывший семинарист Донат Новицкий, впоследствии тайно рукоположенный на Соловках в священники восточного обряда, благодаря тому, что там же находились в заключении экзарх русских католиков Леонид Федоров и епископ Болеслав Слоскан.

Власти преследовали еще и другую цель — поколебать христиан в вере, скомпрометировать священников, заставить верующих бояться. Но многие из них, вопреки всему, сплотились вокруг своих пастырей, организовывали им материальную помощь. Особенно активно действовала в Ленинграде благотворительная организация "Конференции Св. Викентия", а после арестов ее руководителей помощь стали оказывать приходские комитеты. Отсутствие семинарий ослабляло Церковь. Поэтому в Ленинграде, Киеве и некоторых других городах эти учебные заведения создавались подпольно. Впервые семинарию в Петрограде попробовали открыть в 1921 году. Ректором ее стал Антоний Малецкий, а после арестов 1923 года — Михаил Рутковский, на чьей квартире и проходили занятия. Только двое из кандидатов: Болеслав Юревич и Юлиан Цимашкевич, — окончили курс и в 1925-1926 годах были рукоположены на Украине.

Вторая попытка была связана с переговорами между Москвой и Ватиканом, которые ни к чему не привели. И тогда с октября 1926 года епископ Антоний Малецкий в Ленинграде начал новый набор учащихся. Собралось восемь человек, занятия проходили на квартире священника Антония Василевского. Кандидаты, работавшие в государственных учреждениях, были вынуждены заниматься по вечерам. Однако уже 14 января 1927 года на квартире ректора был произведен обыск, он сам и другие священники были арестованы: староста семинаристов Казимир Тысовский был осужден на 5 лет лагерей, привлеченный к делу священник Павел Хомич был осужден на 10 лет лагерей, а двенадцать мирян,

проходивших по этому делу, были отправлены в ссылку. Новая попытка епископа Антония Малецкого организовать духовную семинарию привела к аресту и его самого и семинаристов. Доказательством "преступлений" епископа были вечера для молодежи, проповеди, контакты с другими священниками, получение из-за границы календарей или денег.

Для Житомирской епархии священники готовились в Польше и потом тайно переходили границу. Возможность получения духовного образования появилась позднее и в Риме — в Коллегии "Руссикум", организованной при Конгрегации Восточных Церквей. Помимо подготовки новых священников, огромное значение придавалось также и обучению детей Закону Божию. Формально это было запрещено, но священники более прислушивались к голосу Бога и Церкви, чем властей. Верующие организовывали различные просветительские и религиозные кружки, и это была обычная церковная деятельность, отвечавшая потребности людей в развитии духовной жизни. Но в понимании властей эти кружки были антисоветскими организациями, подрывающими государственные устои. Действовали, хотя и тайно, монастыри. Существовало несколько монашеских общин в Ленинграде, в Москве и на Украине. Все они были разгромлены советской властью, а члены общин приговорены к длительным срокам заключения⁶.

Особенному давлению подвергались "двадцатки" приходских общин. С одной стороны, они были изобретением советской власти, поэтому духовенство поначалу их опасалось. Их создание попирало канонические правила Церкви, и возникало опасение, что власть может использовать все средства для полного подчинения себе этих "двадцаток". Однако, в целом они оказались защитой Церкви, поскольку несли ответственность за приходские дела, давали верующим возможность помогать нуждающимся, в том числе священникам-"лишенцам", особенно находившимся в заключении и ссылке. Многие из них выжили только благодаря самоотверженной помощи прихожан. Именно за эту помощь власти и преследовали наиболее активных членов "двадцаток": арестовывали и приговаривали к лагерям и ссылкам вместе со священниками и их личными помощниками: органистами, ризничими, домработницами.

Репрессии, а также атеистическая пропаганда ослабляли Церковь. Многие священники находились в заключении, некоторые были высланы за границу. В СССР не осталось ни одного католического епископа, не считая престарелого, давно отошедшего от дел, Тираспольского епископа А. Церра, проживавшего на Украине, и епископа К. Сливовского из Владивостока, полностью изолированного от епархии. Поэтому Папа Римский Пий XI учредил при Конгрегации Восточных Церквей Комиссию "Pro Russia" для координирования помощи Церкви в России. Ватикан пытался по дипломатическим каналам связываться с советским правительством, чтобы найти выход из сложившейся ситуации. Официальные переговоры успеха не имели, но посланник Ватикана, епископ М. Д'Эрбиньи, приезжал несколько раз в Россию в 1926 году и смог восстановить разрушенную структуру Католической Церкви⁷,

⁶ Осипова И.И. "Возлюбив Бога и следуя за ним...": Гонения на русских католиков. По воспоминаниям и письмам монахинь-доминиканок Абрикосовской общины и материалам следственных дел 1923—1949 гг. М., 1999.

⁷ Администрация Католической Церкви в тому времени имела следующую структуру: Могилевская архиепархия, включающая центральную и северную часть европейской России и северо-восточную (советскую) часть Белоруссии; восточная часть Минской епархии; Житомирская епархия (северная и центральная часть Украины); Каменец-Подольская епархия (южная Украина); Тираспольская епархия, (Поволжье и Южную часть восточной Украины); Владивостокская епархия, (Восточная Сибирь и Дальний Восток); Апостольский Викариат Сибири (Западная часть Сибири и Средняя Азия); Апостольский Викариат Крыма и Кавказа; Апостольская администрация для католиков армянского обряда; Экзархат Греко-католической Церкви в России.

назначить апостольских администраторов и некоторых из них хиротонисать во епископы. Проведенная тайная реорганизация была призвана восстановить иерархию Католической Церкви в России. Лишение юрисдикции епископов, проживавших за пределами СССР: Минского — С. Лозинского, Могилевского — Э. Роппа, Житомирского — А. Шеленжека, Тираспольского — И. Кесслера, — было попыткой оградить Церковь от обвинений в иностранном вмешательстве.

Были созданы следующие администрации:

Москва — епископ Пий-Эжен Неве,

Могилев и Минск — епископ Болеслав Слоскан,

Ленинград — епископ Антоний Малецкий,

Харьков — священник Викентий Ильгин,

Казань, Самара, Симбирск — священник Мечислав Иодокас,

Одесса и Крым — епископ Александр Фризон,

Северный Кавказ — священник Иоанн Рот,

Поволжье — священник Августин Баумтрог,

Закавказье — священник Стефан Демуров,

Житомирская епархия — священник Теофил Скальский,

Каменецкая епархия — священник Ян Свидерский.

Особенными полномочиями обладал Московский администратор, французский гражданин, епископ Пий-Эжен Неве. Однако вскоре чекисты докопались до этих тайных назначений, и новые администраторы подверглись различным репрессиям. 9 июля 1926 года был арестован Житомирский администратор, священник Т. Скальский. Администратор Минско-Могилевский епископ Б. Слоскан во время богослужения в Витебске 14 ноября 1926 года публично объявил о своем назначении и епископском сане. Поэтому ГПУ установило за ним постоянное наблюдение и через несколько месяцев арестовало. 25 апреля 1929 года был арестован администратор Каменецкой епархии Ян Свидерский. Не легче сложилась судьба ленинградского администратора А. Малецкого, который не раз арестовывался, а в 1930 году в возрасте 69 лет был выслан в Сибирь. Администратор М. Иодокас также был арестован и выслан. Еще более трагично складывалась жизнь у администраторов-немцев, погибших позднее мученической смертью. Епископ А. Фризон так и не смог поселиться в Одессе. Практически он служил только в Симферополе, подвергаясь частым арестам, а при последнем аресте был расстрелян. Апостольский администратор Поволжья А. Баумтрог был арестован с группой священников и мирян и погиб в лагере. Администратор Северного Кавказа И. Рот неоднократно арестовывался, ссылался и позднее был расстрелян. Похожи были судьбы администраторов Закавказья — армянского и латинского обряда. Тюрьмы, лагеря и ссылки перенес и экзарх Греко-Католической Церкви в России Л. Федоров, умерший в последней ссылке.

Но даже в таких условиях Церковь продолжала существовать. Ленинград получил еще двух епископов. Первым был коадьютор епископа А. Малецкого священник Ф. Матулянис. Когда же он оказался в лагере и потом выехал по обмену в Литву, епископ Неве тайно хиротонисал в Москве французского священника из Ленинграда, Жана (Иоанна) Амудрю, который вскоре был выдворен из Советского Союза. Сам же Неве, благодаря защите посольства Франции, продержался в СССР в очень стесненных условиях до 1936 года, но после выезда во Францию на лечение уже не смог вернуться в Москву. Так завершилась попытка папы Пия XI восстановить иерархию Католической Церкви в СССР. Во многих странах раздавались голоса, требовавшие от Папы Римского публичного осуждения действий советских властей. Папа опасался, что после такого выступления положение католиков в Советском Союзе еще более

ухудшится. Переговоры представителей Ватикана с советским правительством не давали никаких результатов — в СССР продолжались аресты священников, закрытие храмов, идеологическое и физическое уничтожение Церкви. Когда же стало ясно, что все легальные и нелегальные попытки сохранить Церковь в СССР безуспешны, Папа Пий XI, трезво оценивавший ситуацию, уступил давлению с разных сторон и решил выступить открыто.

9 февраля 1930 года в газете Ватикана "L'Osservatore Romano" появилось его письмо от 2 февраля, адресованное викарному епископу Рима, кардиналу Б. Помпили, "Требование предоставления священных прав, жестоко попираемых на территории России". В этом письме осуждались действия советских властей по отношению к религии. Там же он напоминал о своих усилиях, в связи с Генуэзской конференцией в 1922 году, направленных на предоставление верующим в России гарантий религиозной свободы. Кроме того, Пий XI писал о своем выступлении в защиту патриарха Тихона, о помощи голодающим в России, организованной Католической миссией, спасшей от голода 150 тысяч детей, однако, несмотря на огромную необходимость в ней, запрещенной властями. Далее он упоминал заключенных епископов Б. Слоскана и А. Фризона, а также экзарха католиков восточного обряда Л. Федорова. Папа также осуждал и кощунственную антирелигиозную кампанию, оскорблявшую чувства верующих. Выражал свое сочувствие страдающим людям. Призывал к покаянной молитве.

Призыв Пия XI получил широкий отклик и поддержку во всем мире, и не только среди католиков. Это был тот самый знаменитый молитвенный крестовый поход в защиту верующих в Советском Союзе. И хотя весь мир выражал свою солидарность с Папой и верующими в России, в самом СССР этот призыв вызвал волну ярости и обвинений в адрес Пия XI. Коммунистическая пресса обвиняла его в попытке организовать военную агрессию против СССР. О положении Православной Церкви в СССР свидетельствовал тот факт, что митрополит Сергей (Страгородский) присоединился к нападкам на Папу, утверждая в своих выступлениях, что преследования верующих связаны не с верой, а вызваны их антиправительственной и контрреволюционной деятельностью. Это утверждение было хорошо известно и распространялось всеми средствами массовой информации, так что не было сомнения в том, кто является его настоящим автором. И хотя в газетах продолжались нападки на Папу, его призыв заставил высшие власти СССР приостановиться и сдержанно покритиковать слишком варварские методы борьбы с религией. Тем не менее, при арестах священники и в дальнейшем обвинялись в шпионаже в пользу Ватикана, что свидетельствовало об опасности, какую представлял для огромного СССР маленький Ватикан.

Для успешных попыток расколоть Церковь изнутри путем создания "прогрессивных" церковных кругов в приходские общины внедрялись секретные осведомители. Запугивая людей или оплачивая услуги, органы безопасности использовали прихожан, некоторых священников и их помощников в качестве своих агентов, и таким образом ломали нравственную силу самой Церкви, сеяли недоверие к священникам. Часто органы пытались вынудить самих священников обнародовать заявления об отсутствии гонений на веру и полной свободе совести в СССР, а также о том, что если пастырей и арестовывают, то только за государственные преступления: шпионаж, контрреволюцию. Очень часто такие заявления фабриковало само ГПУ, а потом шантажом заставляло их подписывать. Бывали единичные случаи, когда священник, сломленный органами ГПУ, публично отказывался от сана и отрекался от веры, но даже такие факты верующие воспринимали как происки тех же органов и не осуждали

священников. Вместе со священниками часто арестовывали людей, единственной виной которых было их присутствие на богослужениях или выполнение в церкви какой-то работы: органисты, певчие, уборщицы. Протесты верующих становились все слабее, однако, во многих местах прихожане годами героически отстаивали церкви, устраивали богослужения и молитвы без священника, оплачивая все возрастающие налоги за право пользования храмом; посылали священникам в лагеря и ссылки продукты и деньги.

Самое важное, что попытки разрушить единство Католической Церкви так и не привели к успеху. Приведем два случая. Например, ГПУ знало о белорусском патриотизме священника Иосифа Белоголового из Могилева, и в начале первой половины 1920-х годов ему было предложено принять сан епископа у старокатоликов в Германии, чтобы создать независимую от Рима национальную Белорусскую Церковь. Отец Иосиф отверг это предложение, был арестован, отправлен на Соловки, где впоследствии и погиб. Также не увенчалось успехом давление на Апостольского администратора Ленинграда епископа Антония Малецкого, чтобы он превысил свои полномочия, создав Синод Апостольских администраторов СССР. Расколить Католическую Церковь в СССР изнутри не получилось. Никакая, даже самая агрессивная пропаганда не приносила нужных результатов. Поэтому для усиления борьбы с "предрассудками и темнотой" власти стали использовать самое надежное средство: аресты, лагеря и ссылки священников и мирян. Одним из особенно распространенных способов физического уничтожения Церкви стали групповые процессы, являвшиеся уникальным проявлением советского "правосудия".

Следующая волна процессов пришлась на 1929-1931 годов были связаны с завершением коллективизации. Население католических деревень, в основном на Украине и в Поволжье, противостояло этому процессу, поэтому виновников бунта советская власть усматривала в священниках. К этому очень легко было присовокупить сотрудничество с иностранной разведкой, так как на Украине священники были в основном поляками, а в Поволжье и на Черноморском побережье — немцами. Групповой процесс католического духовенства в Поволжье опирался на послереволюционную деятельность духовенства. Священники обвинялись в том, что создавали национальные союзы, проводили съезды, агитировали население против колхозов, сообщали о состоянии приходов церковным властям. Сотрудничество с благотворительными организациями, помогавшими голодающим в годы гражданской войны, сейчас расценивалось как шпионаж в пользу Германии или Ватикана.

В 1930 году в Харькове прошел закрытый судебный процесс над тридцатью священниками и многими мирянами. На этот раз обвиняемые "работали" не на Германию, а на Польшу, но обвинения и приговоры были схожими, чаще всего это были тюремные заключения сроком до 10 лет, хотя выносились и смертные приговоры, но они позднее заменялись десятилетними лагерными сроками. Особым примером жизни Церкви во время гонений может послужить история группы верующих, сосредоточившихся вокруг православного архиепископа Варфоломея (Ремова), принявшего тайно католичество благодаря влиянию епископа Пия-Эжена Неве. Вместе с В. Ремовым в 1934-1935 годах была арестована большая группа монашествующих и мирян. Епископа расстреляли, а остальные получили по 3-5 лет лагерей.

В это же время в Воронеже состоялся процесс троих священников, трех сестер из Абрикосовской общины и группы мирян. Священники получили по 10 лет лагерей, а сестры были судом оправданы. Особенно масштабным оказался процесс польского и украинского духовенства на

Украине в 1935-1936 годах, обвинявшегося в принадлежности к “фашистской контрреволюционной организации римско-католического и униатского духовенства на правобережной Украине”, по которому проходило и много мирян. Все они в основном были осуждены к 5-10 годам лагерей и ссылок. В то время больше всего католиков, особенно священников, содержалось на Соловках, не только на островах, но и во всей системе СЛОНа, к ней принадлежал и Беломорско-Балтийский канал. Так как СЛОН был исправительно-трудовым лагерем, призванным к перевоспитанию заключенных, там проводились разные “педагогические эксперименты”.

Например, для того, чтобы оградить остальных заключенных от пагубного влияния религии, было решено перевести католических священников на остров Анзер. Этому предшествовало закрытие 5 декабря 1928 года часовни Св. Германа, где с разрешения властей совершались богослужения, легально они могли проводиться только по воскресеньям, но тайно проходили и в другое время, особенно ночью. 19 января 1929 года у священников был проведен обыск, отобраны богослужебные книги, предметы культа, утварь для совершения богослужений, а сами священники переведены в уголовную роту. Несмотря на это богослужения не прекращались: в подвалах, мастерских, камерах... Затем большая часть священников во главе с епископом Б. Слосканом была переведена на остров Анзер. К июню 1929 года там оказались все пребывавшие на Соловках католические священники. Их поставили на тяжелые работы: рубить лес, таскать стволы, пилить дрова. Самой тяжелой работой на этом каменистом острове считалось рытье землянок для вновь прибывающих каторжан. Двадцать три священника были изолированы в северной части острова (командировка Троицкая).

В 1932 году число находившихся на острове Анзер священников достигло тридцати двух человек. Главной проблемой для них было — где служить Литургию и откуда брать облатки и вино. Но и с этой проблемой они справились: служили в лесу на камне, потом — на чердаке барака, где жили — стоя на коленях, поскольку помещение было очень низким. Жильем им служила комната длиной 3-4 м, шириной — 2 м. Все священники должны были там уместаться, а службы, как уже говорилось, совершали ночью на чердаке поочередно. Небольшое количество вина тайно поступало с передачами, поэтому священники решили, что в данной ситуации для совершения Литургии достаточно 6—8 капель вина. Когда же и его не стало хватать, тогда старались раздобыть изюм, из которого сами делали вино.

Так возникла “коммуна ксендзов”. Священники решили все продукты делить поровну, выполнять работы за больных, не работать по воскресеньям, а воскресную норму выполнять в другое время. Коммуну возглавлял выборный староста, кроме него был также человек, заведовавший хозяйством. Священники получали посылки от Польского и Политического Красного Креста, которые поровну распределялись между всеми. Проблемы взаимоотношений с властями лагеря решали на общем собрании. Но этот “социалистический” образ жизни католических священников не понравился лагерному начальству. В июле 1932 года было проведено очередное изъятие предметов культа, а сами священники арестованы, большинство из них изолировано друг от друга, восемь человек этапированы в Ленинград, двое — в Ярославский изолятор, остальные разделены по другим командировкам. Но в 1933-1934 годах вновь стали проводиться тайные богослужения.

Через Соловецкие лагеря прошли также члены петроградской (ленинградской) и московской общин русских католиков. Из священнослужителей, арестованных в Ленинградской области, стоит

упомануть священников С. Пржирембеля, Б. Юревича и епископа Т. Матуляниса. Вместе с ними привлекались к суду также тридцать девять мирян, в основном, из церковных “двадцаток”. Священники получили по 10 лет, миряне — различные сроки заключения. К 1937 году, несмотря на то, что многие священники уже умерли или были освобождены (некоторые выехали по обмену за границу), на Соловках находилось еще около пятидесяти католических священников. Их контакты с мирянами были затруднены, но иногда бывали случаи благословения католического брака. В 1937 году на Соловках произошла реорганизация. Многие узники были вывезены в другие места и там расстреляны. Точно известно о расстреле двадцати шести священников и двух мирянок в начале ноября 1937 года в урочище Сандормох под Медвежьегорском в Карелии, а также десяти священников в декабре 1937 года в Ленинградской тюрьме.

В 1937-1938 годах прошли последние групповые процессы католических священников и мирян. Наиболее частым было обвинение в принадлежности к Польской Организации Войсковой (ПОВ) и связано это было с Оперативным приказом № 00485 Народного комиссара внутренних дел Ежова о ликвидации местных организаций “Польской организации войсковой” от 11 августа 1937 года, в котором перечислялись все категории поляков, подлежащие аресту. В список попали и все верные служители революции: военные, чекисты, служащие и рабочие заводов и фабрик, колхозники, коммунисты и беспартийные. О массовых арестах поляков известно, что они проходили практически во всех городах СССР, но особенно пострадали поляки в Москве, Ленинграде, Краснодаре, Ростове-на-Дону, Орле, а также в Белоруссии и на Украине. О масштабах акции могут свидетельствовать, например, воспоминания жителей маленького хутора Минского под Прохладном в сегодняшней Кабардино-Балкарии, где в 1937 году были арестованы все мужчины поселка и почти никто из них не вернулся домой. В Сибирском Белостоке были также арестованы и вскоре расстреляны почти все мужчины и только немногие имели счастье “отделаться” десятилетним лагерным сроком.

Все они обвинялись в принадлежности к ПОВ, про которую они, может быть, и никогда не слышали⁸. Наличие ее в СССР, да еще в 1937 году, было вымыслом ГПУ, необходимым для оправдания массовых репрессий среди поляков в Белоруссии, на Украине, и даже в Восточной Сибири. Пятеро последних остававшихся на свободе священников из Белоруссии: К. Андерекус, П. Авгло, И. Боровик, П. Янукович и С. Райко, — были арестованы по обвинению в руководстве ячейками ПОВ. 25 августа 1937 года все они были приговорены к смертной казни и два дня спустя расстреляны в Минской тюрьме. Неоднократно прошедшие тюрьмы или ссылки священники, монашествующие и миряне — арестовывались снова и снова... Освобожденный из тюрьмы киевский священник Б. Блехман поселился во Владикавказе и через некоторое время был арестован вместе с местным священником А. Червинским, Апостольским администратором Северного Кавказа И. Ротом и группой мирян. А. Червинский и И. Рот были расстреляны в январе 1938 года, а Блехман приговорен к 10 годам тюрьмы. Миряне, проходившие по этому делу, получили приговоры от 4 до 10 лет лагерей.

Власти лишали людей свободы самыми разными способами. Часто это была обыкновенная городская тюрьма, как Бутырки и Сокольники в Москве. Едва ли не самой дурной славой пользовалась внутренняя тюрьма НКВД на Лубянке, где применялись особо жестокие методы

⁸ На самом деле эта организация была создана Ю. Пилсудским в 1914 году и прекратила свое существование около 1920 года.

воздействия на узников⁹. Существовали еще и штрафизоляторы, и наиболее "популярным" среди католиков был штрафизолятор в Ярославле, отличавшийся строгостью режима и полной изоляцией узников. В 1930 году там было тридцать заключенных, священников с Украины, позднее там содержались и немецкие священники из Поволжья, но для многих он стал пересыльной тюрьмой перед отправкой в лагерь. Нельзя забывать и о том, что многие после отбытия срока наказания в лагере или тюрьме получали "минусы", другие отправлялись на спецпоселения или ссылались по приговору в отдаленные районы страны. Спецпоселения обычно находились в очень тяжелых климатических условиях — в Сибири, за Полярным кругом и в других областях, но в основном в местах, весьма удаленных от крупных населенных пунктов. Священники, монашествующие, миряне старались попасть туда, где еще была действующая католическая церковь, но их участие в жизни приходов приводило к тому, что вместе со священником арестовывались и все активные прихожане. Так было в Орле, Нижнем Новгороде, Владикавказе и других городах.

Особенную роль в это страшное время играла первая жена писателя М. Горького, Екатерина Павловна Пешкова. Она возглавляла Комитет помощи политзаключенным, называемый по-старому Политическим Красным Крестом, будучи одновременно и уполномоченной Польского Красного Креста, открытого в декабре 1920 года и закрытого в 1938 году. В Политический Красный Крест обращались многие арестованные или осужденные, в том числе и католические священники, монашествующие и миряне, а в Польский Красный Крест обращались в основном поляки. Сама Екатерина Павловна к своей службе относилась очень добросовестно, лично отправлялась в разные места заключений, рассматривала все поступающие просьбы, многие узники-католики были ее близкими знакомыми. Она организовала отправку материальной помощи в лагеря и ссылки, и можно смело утверждать, что многие католические священники из числа лиц, впоследствии освобожденных и выехавших в Польшу, выжили благодаря ее помощи. Она также посредничала в передаче по назначению помощи, поступающей из-за рубежа.

К 1939 году практически прекратилась жизнь Католической Церкви в СССР. В очень стесненных условиях действовали французские храмы в Москве и Ленинграде. В живых оставалось еще несколько священников, в основном немецких, прошедших лагеря и проживавших в ссылке в Казахстане или Средней Азии, но они практически не могли исполнять пастырского служения, потому что в этих регионах, как правило, не было католиков. Ситуация изменилась, когда власти стали ссылать поляков с Украины в Казахстан, а из Белоруссии и Ленинграда — в Сибирь.

Бронислав Чаплицкий, католический священник

⁹ Запрет ложиться, постоянный, яркий электрический свет, психическое давление, продолжавшиеся без перерыва по несколько суток допросы, смена следователей: один из которых жестоко избивал, а на смену ему приходил другой — "добрый".